

ществовании на ее просторах множества различных культур. Культурная гетерогенностьотягощает всю российскую историю, представляемую сторонниками этой точки зрения исключительно как историю борьбы, противостояния и размежевания. Получается, что будущего у российской культуры просто нет, как, впрочем, и нет реального настоящего, так как «единое тело культуры» для России есть не более чем миф.

Не пытаясь идеализировать историю страны, отметим, однако, что при всем полифонизме русской культуры, наличии разнородных начал (восточных, западных, светских, религиозных) она представляет собой уникальную, неповторимую целостность и органичность.

В поисках путей выхода из кризиса необходимо исходить из объективной оценки сложившейся в стране социокультурной ситуации. Как теоретическая конструкция, она представляет собой качественную и количественную характеристику состояния общественной системы, взаимодействия всех составляющих ее элементов – от экономики до политики и духовной жизни, анализируемых с позиции культуры.

Культура прочными нитями способна привязать нас к определенному образу мышления, жизни и духовно-нравственному порядку. В культуре – основа устойчивого развития общества. В этом смысле она есть своеобразный гарант выживания всего человеческого рода, в том числе и России.

Именно культура все решительнее заявляет о себе как самостоятельная животворящая сила, оказывающая огромное воздействие на всю атмосферу в обществе, чтобы центристремительные силы не разнесли его.

ХИТРЕЕ ЛИ МОСКВИЧИ ВСЕХ РУССКИХ, ИЛИ К ВОПРОСУ О ПРОВИНЦИАЛЬНОМ МЕНТАЛИТЕТЕ

*Л. А. Шумихина
Уральский госуниверситет*

«Москвичи считаются хитрее и лживее всех остальных русских, и в особенности на них нельзя положиться в исполнении контрактов. Они сами знают об этом, и когда им случится иметь дело с иностранцами, то для возбуждения большей к себе доверенности они называют

себя не москвичами, а приезжими» (в таких далеко не лестных выражениях характеризует своеобразие столичного менталитета немецкий дипломат XVI века С. Герберштейн¹. В обыденной жизни века XXI подобное отношение к столице и по сей день является весьма расхожим среди соотечественников-провинциалов, которых всегда раздражал столичный снобизм, подкрепленный, безусловно, и многознанием, и сознанием приобщенности к высокой мировой культуре (или реальной приобщенностью). Многознание, умение идти в ногу с Европой, действительно порой отличающее столичного специалиста от провинциала, объективно обусловлено возможностью постоянного доступа к более широкой информации первого благодаря реальным столичным условиям. Сознание приобщенности к мировым образцам культуры как особое качество менталитета столицы позволяет поставить вопрос об особых духовно-культурных спектрах существования «человека из столицы» и «провинциала».

Менталитетом, если пойти от уже принятых в научном употреблении представлений, принято называть или «склад ума» (от франц. *mentalite*), или «...социально-психологические установки, способы восприятия, манеру чувствовать и думать»². С «манерой чувствовать и думать» не рождаются. Она вырабатывается в процессе жизни вместе с социально-психологическими установками на мир и на человека, и формируются эти установки в переменчивом мире. Сказанное вовсе не означает, что менталитет не может быть охарактеризован как нечто реально бытийствующее. Напротив, менталитет – это идеальная реальность, которой присущи такие свойства, как *социальность* (он вырабатывается в определенном социуме), *историзм* (менталитет уходит корнями в историю культуры народа), *многоаспектность* (ментальные черты проявляются в разных аспектах бытия социума: психосфере, политике, искусстве, нравственных представлениях, религии, экономике, философии).

Начиная с эпохи Ивана Грозного и по сей день не только русские, но и западные исследователи России обращают внимание на особенное состояние души русского человека³. В этом контексте менталитет – это онтологическая характеристика души. Душа такова, что может нечто воспринять или отторгнуть, переживать какие-то внешние воздействия или остаться к чему-либо безразличной. Ментальность – это открытость к одному, готовность воспринять, но закрытость к другому. Наконец, ментальность, выражающая повседневный

облик коллективного сознания, невозможна без человека и человеческого общения. Ведь только в общении фиксируется отношение к миру по принципу «свой – чужой». Поэтому диалог является единственной, бесконечной, всеобщей формой существования и развития не только всей культуры, и в частности духовной культуры, но и ментальности – этой идеальной реальности, в которой живет человек.

Столичный и провинциальный менталитеты – это разноинтенционные формы культурного диалога. Провинция более привязана к истокам, корням и традициям духовной культуры народа. И этим она жива. Столица же – это особая культурная ситуация, когда в одном пространстве сознания сосуществуют различные духовно-культурные спектры ценностей: восточный, европейский, христианский, постсоциалистический, буржуазный и т. д. Эти ценности и ориентации существуют в диалогическом общении людей, в повседневном образе мыслей каждого. А поскольку столица обеспечивает намного более мобильные условия коммуникации, чем провинция, то и диалог здесь разворачивается быстрее. Но к некому духовному устойчивому образованию, называемому менталитетом, он приводит только в том случае, если жителями столицы, как представителями русского народа, естественно усвоены через свое уникальное Я из этого спектра всеобщие представления, смыслы и ценности, объединяющие их. Но есть ли такие всеобщие смыслы? Успевают ли они образовываться в этом потоке смыслов и ценностей?

Провинциальный менталитет, также являющийся «живым» образом всеобщих представлений, смыслов и ценностей культуры народа и также развивающийся в диалоге различных ценностей и духовных ориентаций, более привязан через социально-психологические установки и образ жизни провинциалов к традиционным образам мышления, живой культуре своего народа, ее духовным истокам, а не к «чужим» культурам. Поэтому провинциальная ментальность – это процесс, который уходит корнями и в историю глубокого прошлого народов, и в развивающуюся живую культуру народа. Этот диалог с прошлым, уходящий в будущее, не только питает провинцию традиционными духовными идеями и смыслами, но и дарует ей мощные творческие животворные духовные силы, позволяющие проявиться особенному, уникальному в культуре. Столичный же менталитет, ориентированный в своем диалоге уже на протяжении веков главным образом лишь на Европу, стал обретать «омертвевшую» европейскую

ментальность, давно отрефлексированную и рационально представленную в виде стандартов, норм и стереотипов человеческой жизнедеятельности и навязчиво предлагаемую, а не естественно впитываемую и социализирующуюся как неповторимое состояние моего уникального Я. Поэтому провинция часто дарит столице людей оригинально мыслящих. А столица лучше ориентируется в мировом культурном пространстве. В контексте такого понимания своеобразия провинциальной ментальности нечто проясняется в понимании феномена Урала как очага пассионарности, который только за последнее десятилетие подарил России такое многообразие русских талантов, что едва ли в этом отношении столица может сравниться с этим провинциальным регионом.

¹ Записки о Московии. СПб., 1866. С. 98.

² Гуревич А. Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. Человек в истории. 1989. С. 115.

³ См. к примеру: Размышления о России и Русских: Штрихи к истории русского национального характера. М., 1994.

МЕНТАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ МЕМУАРНОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

И. Л. Сиротина

Мордовский госуниверситет

Опора на знание глубинных ментальных структур своего народа – необходимое условие успешного осуществления любых социальных программ, что сегодня чрезвычайно актуально. Источниками освоения менталитета могут служить «тексты культуры», несущие как научное, так и вненаучное знание.

Мемуары во все времена были популярны, интересны, читаемы. Литература подобного рода довольно хорошо исследована филологически и исторически. Гораздо меньше внимания уделено философскому потенциалу мемуаристики, в то время как многие интеллигенты брались за исповедальное или автобиографическое перо именно из потребности «пофилософствовать» о «вечных проблемах» культуры и рассмотреть с разных точек зрения смысложизненные категории. XX век со своим техническим прогрессом подарил мемуаристам ог-